

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассматривается проблема законодательного регулирования использования достижений научно-технического прогресса в расследовании преступлений. Обосновывается, что указанную проблему целесообразно анализировать в трех направлениях: установление правового регламента применения технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических средств противодействия преступности. Материал подается с учетом законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. Предлагаются научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной науки.

Ключевые слова: криминалистические средства, уголовный процесс, собирание доказательств, исследование доказательств, научно-технические средства, научно-технический прогресс, расследование преступлений.

Уголовно-процессуальное право, как и другие отрасли права, являясь надстроечным институтом, не только выражает государственную волю, но и призвано обеспечить регулятивные функции, воздействовать на общественные отношения. Поэтому становится понятной важность совершенствования уголовно-процессуального законодательства как одного из условий повышения эффективности применения криминалистических средств в расследовании преступлений. «В условиях научно-технической революции, – писал Р.С. Белкин, – развитие криминалистики особенно тесно оказывается связанным с развитием и совершенствованием уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной науки» [1, с. 7]. Взаимодействие криминалистики и уголовно-процессуальной науки должно материализоваться во вновь принимаемых или предлагаемых к принятию уголовно-процессуальных нормах. Новая правовая норма, таким образом, рассматривается как единственно желаемый результат взаимодействия криминалистики и уголовного процесса. Развитие криминалистики напрямую зависит от правового регулирования внедряемых в практику выявления, расследования и предотвращения общественно опасных деяний достижений науки и техники.

Проблема законодательного регулирования использования достижений научно-технического прогресса в криминалистической практике в литературе рассматривается в трех направлениях: установление правового регламента применения технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических средств противодействия преступности.

Вопросам правового регулирования использования *технико-криминалистических средств* в борьбе с общественно опасными деяниями

посвящены работы Р.С. Белкина, А.И. Винберга, Г.И. Грамовича, Е.П. Ищенко, Н.Н. Лысова, А.А. Леви, М.В. Салтевского, Т.А. Седовой, Н.А. Селиванова, А.А. Эксархопуло, П.С. Элькинд и др. Так, Г.И. Грамович отмечал, что применение специальных знаний и научно-технических средств «правомерно лишь тогда, когда оно прямо предусмотрено или рекомендовано законом, или не противоречит закону по своей сущности и осуществляется в формах, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством или ведомственными нормативными актами, либо хотя прямо и не предусмотренных законом и подзаконными актами, но не противоречащих им и вытекающих из общих задач уголовного процесса» [2, с. 35]. Примерно такой же точки зрения придерживается и А.А. Эксархопуло: «Законом может быть признано применение технико-криминалистических средств, которые либо непосредственно закреплены в действующем законодательстве, либо их использование ему не противоречит, отвечает общим критериям допустимости применения средств криминалистической техники в уголовном процессе» [3, с. 147]. Такой подход характеризует условия правомерности использования специальных знаний и научно-технических средств в уголовном процессе, однако, не определяет четких критериев правового регулирования.

П.С. Элькинд отмечает, что проблема применения данных естественных и технических наук в борьбе с преступностью «требуется уяснения необходимости и пределов нормативного закрепления использования в уголовном судопроизводстве... научно-технических средств, установления процессуальных гарантий личности от их незаконного применения» [4, с. 110]. Здесь уже определены, по крайней мере, два критерия правового регулирования – установление пределов нормативного закрепления и процессуальных гарантии от незаконного использования достижений НТС в криминалистической практике. Что касается процессуальных гарантий, то в отношении некоторых криминалистических средств они нашли свое законодательное закрепление. Так, в частности ст. 69 УПК Республики Беларусь предусматривает возможность использования технических средств контроля и прослушивания переговоров при наличии явной угрозы жизни, здоровью, имуществу защищаемого лица по его заявлению или с его письменного согласия, в ст. 219 УПК строго регламентирован порядок применения звуко- и видеозаписи при допросе, а также установлены при этом права допрашиваемого.

А.А. Леви и Н.А. Селиванов подчеркивают в этой связи следующее: «упоминание в законе, что результаты применения научно-технических средств – источники доказательств, связано с необходимостью установить критерии допустимости использования этих средств» [5, с. 46]. Е.Р. Россинская констатирует, что в уголовно-процессуальном кодексе РФ содержатся нормы, определяющие критерии допустимости использования в целях раскрытия и расследования преступлений технико-криминалистических средств (ч. 6 ст. 164 УПК РФ), а также относящиеся к использованию некоторых из этих средств

(например, фотографирования, съемки, аудио- и видеозаписи ч. 2 ст. 84, ч. 8 ст. 166, ч. 4 ст. 189, ч. 6 ст. 164 УПК РФ) [6, с. 12–13]. Отметим, что ч. 6 ст. 164 УПК РФ не содержит критериев допустимости применения технико-криминалистических средств. В данной части статьи содержится лишь указание на возможность их использования: «При производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств». По нашему мнению, критерии допустимости также должны быть включены в механизм правового регулирования использования криминалистических средств в уголовном процессе.

М.В. Салтевский утверждает, что каждое новое техническое средство, пока оно не предусмотрено законом, должно применяться в условиях, которые обеспечивают соблюдение общих принципов и положений уголовного процесса. Только в этом случае результаты использования таких средств могут являться источниками доказательств. Он один из первых предложил, в частности, использовать звукозапись в качестве самостоятельного источника доказательств, который должен быть включен в уголовно-процессуальный закон наряду с документами и протоколами следственных действий [7, с. 54–57]. Соблюдение общих принципов и положений уголовного процесса при применении технических средств – крайне расплывчатое предложение, которое также подтверждает необходимость разработки критериев правового регулирования такого применения. Что касается звукозаписи, она может быть использования в рамках указанных в законе источников доказательств и не требует самостоятельного законодательного закрепления.

Ряд ученых (Е.И. Галяшина, А.Ш. Каганов, Х.Е. Федюнин и др.) справедливо указывают на необходимость правового регулирования использования научно-технических средств при проведении экспертизы. Отражение в заключении эксперта содержания и результатов исследования с указанием примененных методик при отсутствии сведений о характеристиках и проверке использованных приборов является недостаточным для оценки допустимости и достоверности полученных экспертом выводов. Поскольку назначение и проведение экспертизы это следственное действие, то необходимость отражение НТС в заключении эксперта прямо вытекает из общего требования ч. 4 ст. 193 УПК Республики Беларусь и ч. 5 ст. 166 УПК России «... должны быть указаны также технические средства, примененные при производстве соответствующего следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены». Однако этого положения не содержит требований, которым должны соответствовать НТС. Для разрешения этой проблемы по мнению С.Д. Цомае «приборы и аппаратура, используемые для измерения и сравнения, должны иметь сертификат качества, что должно находить отражение в заключении эксперта. Правовым основанием к подобным требованиям будет являться... ФЗ «Об обеспечении единства измерений». Не выполнение этого закона входит в

противоречие с ч. 2 ст. 5 Конституции РФ» [8, с. 191]. Нам представляется, что предложение С.Д. Цомая это частный случай общего требования научной обоснованности применения криминалистических средств в уголовном процессе.

Наши исследования показывают, что использование криминалистических средств в противодействии преступности требует правового регулирования, но при этом следует ответить на вопрос: есть ли необходимость в прямом законодательном закреплении всех применяемых в криминалистике средств? Высказываемые в литературе предложения о необходимости перечисления в законе или в подзаконных нормативных актах (приказах, инструкциях) всех научно-технических средств, которые могут быть использованы при расследовании преступлений [9, с. 27], встречали справедливую критику. Так, Р.С. Белкин отмечал, что «законодатель не должен и не может называть в тексте УПК конкретные технические средства, как в силу развития техники, так и в силу зависимости, которая существует между конкретной ситуацией и тем техническим средством, которое в соответствии с этой ситуацией выбирает следователь» [10, с. 209]. Г.И. Грамович и Н.А. Селиванов также замечают, что даже если бы такой перечень удалось составить, то применение любого нового научно-технического средства можно было бы объявить неправомерным только на том основании, что оно не указано в перечне [11, с. 27]. «В законе невозможно предусмотреть все приемы и средства работы с доказательствами, ибо они беспрерывно совершенствуются и обновляются. Современная техника все более ускоряет темпы своего развития. Благодаря ее исключительному динамизму появляется значительное количество новой аппаратуры, пригодной для обнаружения и исследования судебных доказательств» [12, с. 9].

А.А. Эксархопуло считает оправданным закрепление в уголовно-процессуальном законе только лишь технических средств фиксации доказательств. «В подобной правовой регламентации, – считает он, – не нуждаются, например, поисковые приборы, средства освещения и связи, технические средства, предназначенные для исследования объектов, и другие средства, результаты применения которых не могут быть признаны самостоятельными источниками доказательств. Результаты использования технико-криминалистических средств, приемов и методов при проведении экспертного исследования также не имеют самостоятельного доказательственного значения» [3, с. 147]. С его утверждением трудно согласится, во-первых, потому, что по закону результаты любого технического средства, используемого в рамках следственного действия, не имеют самостоятельного доказательственного значения, так как, например, в соответствии с ч. 2 ст. 193 и ч. 4 ст. 308 УПК Республики Беларусь средства фиксации применяются для полноты протокола. Согласно ч. 7 ст. 193 результаты их применения являются приложениями к протоколам следственных действий, поэтому содержащиеся в них фактические данные приобретают доказательственное значение лишь с учетом сведений,

отраженных в протоколах следственных и судебных действий. Данное положение закреплено в ч. 3 ст. 328 и ч. 3 ст. 333 УПК, которое гласит: «Не допускается воспроизведение звуко-, видеозаписи и киносъемки без предварительного оглашения показаний, содержащихся в соответствующем протоколе допроса или протоколе судебного заседания». К таким сведениям могут относиться описания технических средств, условие и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, полученные результаты, отметка, что перед применением технических средств об этом были уведомлены лица, участвующие в следственном действии. Во-вторых, абсолютно оправданным, по нашему мнению, является законодательное закрепление в ч. 3 ст. 192 УПК возможности использовать при проведении следственного действия не только средств фиксации, но также средств обнаружения и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Кроме того, законодатель в ч. 2 ст. 193 предоставил право следователю применять технические средства и для составления протокола следственного действия.

Механизм правового регулирования использования криминалистических средств в уголовном процессе должен строиться не на основе закрепления в законе их перечня, а на разработке системы правовых критериев их использования, в том числе критерия допустимости. Необходимость правовой регламентации критериев «допустимости использования средств криминалистической техники в уголовном процессе очевидна и по той причине, – отмечает А.Ф. Волынский, – что любая попытка законодательно ограничить их применение в уголовном процессе (формальным перечнем в УПК) по существу равнозначна искусственному созданию барьера на пути научно-технического прогресса в борьбе с преступностью» [13, с. 80].

Рассматриваемая проблема включает в себя аспект, связанный с осмыслением доказательственного значения результатов применения криминалистических средств, как имеющих прямое законодательное закрепление, так и не указанных в законе.

Результаты применения технических средств обеих категорий могут быть выражены как в виде зафиксированных признаков исследуемого объекта, так и в выводах, построенных на основе оценки этих признаков. Например, к первому относится утверждение, что выявленные при осмотре с помощью средств криминалистики три следа являются следами пальцев рук, в которых отобразились дуговые папиллярные узоры. Ко второму следует отнести заключение, что эти следы образованы указательным, средним и безымянным пальцами правой руки в результате захвата [14, с. 29]. В первом случае результаты применения технических средств в виде обнаруженных, зафиксированных и изъятых следов пальцев рук являются приложениями к протоколу осмотра места происшествия или другого следственного действия. Они будут иметь доказательственное значение, если технические средства, порядок и результаты их применения описаны в протоколе следственного

действия, а также, если выявленные и зафиксированные признаки однозначно воспринимаются и не требуют дополнительного исследования. Во втором случае заключение есть следствие интегрированного применения средств криминалистики и специальных знаний. Здесь полученные результаты приобретают доказательственное значение также в неразрывной связи с процессуальным документом, если формы использования криминалистических средств и специальных знаний соответствовали требованиям уголовно-процессуального закона. Например, эксперт при проведении исследования применил технические средства, выявил на объекте следы пальцев рук и с учетом специальных знаний в области дактилоскопии и механизма слеодообразования сформулировал в своем заключении вывод, что эти следы образованы в результате захвата указательным, средним и безымянным пальцами правой руки. В данном случае эксперт – установленный законом участник уголовного процесса, проводимое им исследование – предусмотренное законом следственное действие, форма применения криминалистических средств и специальных знаний – процессуальная, заключение эксперта – процессуальный документ, выявленные и зафиксированные следы пальцев рук – предусмотренные законом приложения к заключению эксперта. Если, например следователь результаты применения криминалистических средств и специальных знаний зафиксирует в протоколе осмотра в виде подобных выводов, то они не будут иметь доказательственного значения в силу подмены полномочий одного участника уголовного процесса другим. В этой связи А.Ф. Волынский отмечает: «функции следователя и работников органов дознания процессуально не совмести с функцией эксперта; они не имеют права сами проводить экспертные исследования в целях получения фактических данных, имеющих доказательственное значение». Отсюда следует вывод, что один из критериев правового регулирования должен обеспечивать законодательное закрепление соответствия фиксируемых в процессуальных документах результатов использования участниками уголовного процесса средств криминалистики в противодействии преступности их полномочиям.

Использование технико-криминалистических средств в уголовном процессе регламентируется п. 4 ч. 3 ст. 62; ч. 2 и 3 ст. 68; ст. 69; ч. 2 ст. 100; п. 4 ч. 2 ст. 125; ч. 3 ст. 192; ч. 2, 4 и 7 ст. 193; ч. 2 ст. 204; ч. 3 ст. 207; ч. 6 ст. 217; ч. 2 и 3 ст. 218; ст. 219; ч. 5 ст. 222; ч. 6 ст. 225; ч. 5 ст. 287; ч. 4 ст. 308; ч. 1 и 3 ст. 328; ст. 333 УПК Республики Беларусь. Причем в законе имеются ничем не обоснованные дублирования (повторы). Например, в ч. 3 ст. 192 УПК содержится указание, что «при производстве следственных действий могут применяться технические средства...», которое воспроизводится в ч. 2 ст. 204 УПК «при осмотре используются научно-технические средства...». Это свидетельствует о необходимости дополнительного редактирования правовых норм, устанавливающих порядок применения технико-криминалистических средств противодействия преступности.

Определенный вклад в решение проблемы правовой регламентации

использования в противодействии преступности *тактико-криминалистических средств* внесли О.А. Баев, Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, А.И. Винберг, А.В. Дулов, Л.Я. Драпкин, А.М. Ларин, С.П. Митричев, М.С. Строгович, М.П. Шаламов, В.И. Шиканов, А.Р. Ратинов и др. Так, например, Р.С. Белкин отмечал, что под правовыми основами использования тактических средств в уголовном процессе следует понимать систему установленных законом и подзаконными актами правил, определяющих условия допустимости, содержание, цели и порядок применения этих средств следователем, оперативным работником и судом. Он выделил пять видов норм, которые устанавливали систему указанных правил: 1) определяющие общие критерии допустимости использования тактических средств; 2) определяющие содержание этих средств; 3) содержащие указания на цели и условия их применения; 4) устанавливающие порядок их применения; 5) указывающие критерии оценки результатов их применения [10, с. 206].

Рассматривая психическое воздействие как одну из целей тактической комбинации и анализируя правовую норму, запрещающую принуждать к даче показаний и объяснений путем насилия и угроз (см. ч. 3 ст. 18 УПК Беларуси и ч. 4 ст. 164 УПК РФ), Р.С. Белкин подчеркивал, что «любой допрос свидетеля или потерпевшего начинается с угрозы: правомерной угрозы уголовным наказанием за отказ от дачи показаний или за дачу ложных показаний» [13, с. 173]. Если экстраполировать его утверждение на другие нормы закона, то любое разъяснение обязанностей участникам уголовного процесса и последствий их невыполнения нужно отнести к психическому воздействию, осуществляемому в форме угрозы, что по своей сути сомнительно. В данном случае такое воздействие является не столько целью тактической комбинации, сколько содержанием тактической рекомендации, его правомерность основывается на свободе выбора позиции, непротиворечии закону и уважении чести и достоинства личности.

Правовая регламентация различных тактико-криминалистических средств отличается друг от друга. Например, тактико-криминалистические средства собирания и проверки доказательств, к которым относятся следственные действия, должны иметь строгое законодательное закрепление порядка проведения и процессуальных гарантий прав участвующих в них лиц. Следственные действия, не указанные в законе, не могут применяться в криминалистической практике, и наоборот, следственные действия, разработанные и апробированные наукой криминалистикой, должны находить отражение в законе, что позволит избежать неоправданных противоречий, которые сложились в свое время в отношении проверки показаний на месте.

Порядок правового регулирования тактико-криминалистических средств, способствующих эффективному противодействию преступности (тактических приемов, комбинаций, операций и рекомендаций), как и технико-криминалистических средств, может основываться лишь на законодательном закреплении общих критериев их использования в уголовном процессе. В

отдельных случаях закон может обязывать органы уголовного преследования либо рекомендовать им применять определенные криминалистические средства. Например, в ч. 6 ст. 210 УПК содержится следующая тактическая рекомендация, носящая обязательный характер: «Приступая к обыску, следователь, лицо, производящее дознание, предлагают выдать добровольно подлежащие изъятию орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела». Ч. 6 ст. 217 УПК предоставляет право следователю, лицу, производящему дознание, в ходе допроса применить тактический прием, связанный с предъявлением допрашиваемому вещественных доказательств и документов. В этой связи утверждение А.Н. Васильева, И.Е. Быховского, С.П. Митричева и др. [15, с. 29, с. 282], что уголовно-процессуальный закон не содержит тактических средств, ибо возведение их в закон придает им новое качество, является неверным, так как, например, следственное действие, будучи закрепленными в законе, не теряет своего ни криминалистического, ни тактического значения. Р.С. Белкин также считает, что «тактический прием, ставший нормой закона, не перестает быть приемом и своего криминалистического содержания не утрачивает... Законодательная регламентация, закрепление тактического приема означает как раз признание законодателем, что этот прием и есть наиболее целесообразный, рациональный, эффективный способ действия при производстве определенного следственного акта, настолько целесообразный и эффективный, что его следует применять во всех случаях или что его можно применять во всех случаях» [10, с. 211–212]. «В нормы доказательственного права, – пишет О.Я. Баев, – включаются те и только те тактические приемы, которые показали свою оптимальность во всех мыслимых следственных ситуациях, возникающих при расследовании любых видов, разновидностей и категорий преступлений» [16, с. 10].

Некоторые авторы предлагают включить в систему правового регулирования тактико-криминалистических средств нормы, запрещающие применение тех или иных тактических приемов, например, таких как постановка наводящих вопросов [10, с. 214] (ч. 4 ст. 217; ч. 7 ст. 224; ч. 2 ст. 225; ч. 1 ст. 327 УПК Республики Беларусь и ч. 1 ст. 189; ч. 7 ст. 193; ч. 2 ст. 194; ч. 1 ст. 275 УПК РФ). Такой подход нам представляется необоснованным, ибо подобного рода способы действия не могут относиться к тактическим приемам по определению.

Что касается *методико-криминалистических средств*, то они не нашли своего законодательного закрепления ни в белорусском, ни в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Вопросам правовой регламентации этих средств также не уделено должного внимания и в криминалистической литературе. По нашему глубокому убеждению, методико-криминалистические средства, которые представляют собой комплекс методических рекомендаций выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, должны иметь законодательное закрепление

общих критериев их использования в уголовном процессе.

Таким образом, к критериям правового регулирования использования криминалистических средств в противодействии преступности следует отнести: законность; допустимость; научную обоснованность; процессуальные гарантии от незаконного применения; соответствия использования средств криминалистики участниками уголовного процесса их полномочиям; указание на цели и условия, а в необходимых случаях и на порядок применения этих средств; оценка результатов их применения; пределы нормативного закрепления.

Законность использования криминалистических средств в противодействии преступности, по нашему мнению, должна заключаться в соответствии их применения указанным в законе целям, условиям и порядку, а также букве и духу закона.

Допустимость использования криминалистических средств в противодействии преступности основана в первую очередь на уважении чести и достоинства личности (ст. 12 УПК Республики Беларусь), безопасности и правомерности [2, с. 35–39] применения этих средств в уголовном процессе и тесно связан с научной обоснованностью.

Под научной обоснованностью криминалистических средств противодействия преступности, по нашему мнению, следует понимать: «а) научность источника происхождения средства или приема (результат научных изысканий) или средства их проверки (научная проверка рекомендаций практики); б) соответствие средства или приема современным научным представлениям, современному состоянию науки и техники; в) возможность научного предвидения результатов применения средств или приемов и определение степени точности этих результатов; г) возможность заблаговременного обоснованного определения наиболее оптимальных условий применения средства или приема» [10, с. 209].

Процессуальные гарантии от незаконного применения средств криминалистики направлены на детализацию критерия допустимости. Так, например, в ч. 3 т. 219 УПК содержится следующее указание: «Звуко- и видеозапись части допроса, а также повторение специально для записи показаний, данных в ходе того же допроса, не допускаются».

Критерий соответствия применения средств криминалистики участниками уголовного процесса их полномочиям призван, с одной стороны, обеспечивать допустимость использования полученных при этом результатов в процессе доказывания, с другой – гарантировать от незаконного их применения.

Применение криминалистических средств в уголовном процессе должно иметь целевую направленность на полное, всестороннее, объективное и быстрое расследование преступления, и обеспечивать реализацию принципов эффективности и экономичности. При необходимости в законе могут быть конкретизированы цели, определены условия и порядок использования отдельных криминалистических средств. Так, например, в ч. 3 ст. 192 УПК

указано, что «при производстве следственных действий могут применяться технические средства и использоваться научно обоснованные способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств».

Оценку результатов применения криминалистических средств в противодействии преступности целесообразно проводить с учетом правил, предусмотренных ст. 105 УПК Республики Беларусь.

Пределы нормативного закрепления использования криминалистических средств в уголовном процессе, по нашему мнению, определяются необходимостью и достаточностью их правовой регламентации, что позволит избежать засорения закона повторами или дублированиями одних и тех же положений.

На основании изложенного нами предлагается дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (а также России и других стран СНГ) нормой следующего содержания:

«Статья 25¹. Применения криминалистических средств в уголовном процессе

1. Криминалистические средства в уголовном процессе применяются в целях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, а также быстроты расследования в условиях и порядке, предусмотренных законом.

2. Использование криминалистических средств в уголовном процессе должно соответствовать требованиям настоящего Кодекса либо не противоречить им.

3. В уголовном процессе допускается использование научно обоснованных криминалистических средств при условии уважения чести и достоинства личности. Не допускается применение криминалистических средств не уполномоченными на то лицами.

4. Оценка результатов применения криминалистических средств осуществляется в соответствии с правилами, установленными ст. 105 настоящего Кодекса».

Данная правовая норма позволит упорядочить использование в криминалистической и уголовно-процессуальной практике технических, тактических и методических средств, а также будет препятствовать процедуре внедрения криминалистических средств, не отвечающих содержащимся в ней положениям (например, полиграфа, «сыворотки правды», гипноза и т.п.), а также новых видов экспертиз без разработки научно обоснованных экспертных методик.

Библиографический список/References:

1. Белкин Р. С. Криминалистика: учеб. слов.-справ. / Р.С. Белкин. М.: Юрист, 1999. 286 с. [Belkin R.S. Criminology: studies. words.-on the right / R.S. Belkin. M.: Lawyer, 1999. 286 p.]

2. Грамович Г. И. Криминалистическая техника (научные, правовые, методологические, организационные основы): монография. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. 215 с. [Gramovich G.I. Criminalistic technique (scientific, legal, methodological, organizational basis): monograph. Minsk: Akad. MIA Resp. Belarus, 2004. 215 p.]

3. Криминалистика: учеб. для образоват. учреждений М-ва юстиции Рос. Федерации / Г.А. Абдумажидов [и др.]; под ред.: И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, Рос. правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации. М.: Дело, 2001. 800 с. [Criminology: studies. for educated. institutions M-VA justice Grew. Federation / G.A. Abdumajidov [et al.]; ed: I.F. Krylov, A.I. Bastykin; Acad. plank bed. households under the Government Grew. Federation, ROS. the legal Academy. M-VA justice Grew. Confederations. M: The Thing, 2001. 800 p.]

4. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 157 с. [Elkind P.S. Purposes and means of their achievement in the Soviet criminal procedural law. L.: Publishing house Leningrad state University, 1976. 157 p.]

5. Селиванов Н. А. Правовая регламентация применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве / Н.А. Селиванов, А.А. Леви // Соц. законность. 1979. № 11. С. 45–48. [Selivanov N. A. Legal regulation of the use of scientific-technical means in criminal proceedings / N.. Selivanov, A. A. Levy // SOC. legality. 1979. No. 11. P. 45-48.]

6. Россинская Е. Р. Общие положения криминалистической техники / Е.Р. Россинская // Криминалистическая техника: учебник / Н.М. Балашов [и др.]; под ред. Н.М. Балашова. М.: Юрлитинформ, 2002. 608 с. [Rossinskaya E.R. General provisions of forensic technology / E.R. Rossinskaya // Forensic technology: textbook/N. Mmm. Balashov [et al.]; ed.Mmm. Balashova. M.: Yurlitinform, 2002. 608 p.]

7. Салтевский М. В. Процессуальные вопросы применения звукозаписи в следственной практике / М.В. Салтевский, Б.И. Коврижных // Использование научных методов и технических средств в борьбе с преступностью. Минск: Полымя, 1965. С. 54-57. [Zalewski M.V. Procedural application of sound practice in the investigation / M.V. Salewski, B.I. Kovrizhnykh // Use scientific methods and technical means in the fight against crime. Minsk: Polymya, 1965. P. 54-57.]

8. Цомая С. Д. Совершенствование процессуального регулирования применения научно-технических средств / С.Д. Цомая // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 14–15 февр. 2007 г. / Е.Р. Россинская [и др.]; ГОУ высш. проф. образования «Московская гос. юрид. Акад.». М., 2007. С. 188–191. [Tsomaya S.D. Improvement of procedural regulation of application of scientific and technical means / S.D. Tsomaya // Theory and practice of forensic examination in modern conditions: materials international. science.- practice. Conf., Moscow, 14-15 February. 2007 / E.R. Rossinskaya [et al.]; GOU higher. professional education "Moscow state law. Acad.". M., 2007. P. 188–191.]

9. Филиппова М. А. Экспрессные методы фиксации фактических данных на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.А. Филиппова. Л., 1975. 224 с. [Filippova M.A. Express methods of recording the actual data on the preliminary investigation: dis. ... kand. the faculty of law. Sciences: 12.00.09 / M.A. Filippova. L., 1975. 224 p.]
10. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАТА, Закон и право, 2001. 837 с. [Belkin R.S. Course criminology: textbook. manual for universities / R.S. Belkin. 3rd ed. extra M.: YUNITI-DATE, policy and Law, 2001. 837 p.]
11. Андреев И. С. Курс криминалистики / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов; под ред. Н.И. Порубова. Минск: Выш. шк., 2000. 335 с. [Andreev I.S. Course of criminalistics / I.S. Andreev, G.I. Gramovich, N.A. Porubov; ed. N.A. Porubov. Minsk: Enter. SHK., 2000. 335 p.]
12. Селиванов Н. А. Основания и формы применения научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений / Н.А. Селиванов // Вопросы криминалистики. М., 1964. Вып. 12 (27). С. 7–12. [Selivanov N.A. Grounds and forms of application of scientific and technical means and special knowledge in the investigation of crimes / N.A. Selivanov // Questions of criminology. Moscow, 1964. Issue. 12 (27). P. 7-12.]
13. Криминалистика: учеб. для студентов вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. А.Ф. Волынского. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 615 с. [Criminology: studies. for University students / T.V. Averyanova [et al.]; ed. A.F. Volynsky. M.: Law and right, YUNITI-DANA, 1999. 615 p.]
14. Порошин Г. П. О пределах применения криминалистических знаний следователем в процессе производства расследования / Г.П. Порошин // Использование специальных знаний на предварительном этапе расследования: сб. науч. тр. / Волгогр. высш. шк. МВД СССР. Волгоград, 1983. С. 27–31. [Poroshin G.P. On the limitations of forensic science as an investigator in the production process investigation / G.P. Poroshin // Use special knowledge during the preliminary phase of the investigation: collection of scientific works. Tr. higher. SHK. OF THE USSR. Volga-grad, 1983. P. 27-31.]
15. Васильев А. Н. Основы следственной тактики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А.Н. Васильев; АН СССР, Ин-т гос. и права. М., 1960. 31 с.; Криминалистика: учеб. для вузов по специальности «Правоведение» / Н.С. Алексеев [и др.]; под ред. И.Ф. Крылова; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 591 с. [Vasil'ev A.N. The basics of investigative tactics: author. dis. ... d-RA yurid. Sciences: 12.00.09 / A.N. Vasiliev; USSR Academy of Sciences, Institute of state and law. M., 1960. 31 p.; Criminology: studies. for high schools on specialty "Jurisprudence" / N.With. Alekseev [et al.]; ed. by I. F. Krylov; Leningrad. state UN-t im. A.A. Zhdanov. L.: Publishing house Leningrad state University, 1976. 591 p.]

16. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 224 с. [Baev O.Ya. Tactics investigative actions: proc. benefit. – Voronezh: NPO "MODEK", 1995. 224 p.]